

Сюжет книги частично основан
на реальных событиях.

*Жизнь заставит тебя сделать выбор,
нравится тебе это или нет.*

ГЛАВА 1

Собака была демоном, Настя больше не сомневалась в этом.

Су́ра даже выглядела как демон, и первые подозрения у Насти появились в тот же день, когда Стас привел в дом эту мерзкую тварь.

— Чистокровный лабрадор! — с необъяснимо гордым видом объявил он.

Это существо не выглядело как чистокровный лабрадор... или как порождение планеты Земля, если уж на то пошло. Шерсть, в прошлом черная и глянцево блестящая, стала тусклой, покрылась крупными хлопьями перхоти, морда совсем поседела, а хуже всего смотрелись старые шрамы и ожоги, испещрявшие мех. Это нечто двигалось плохо, неловко, хромало на переднюю правую лапу. Однако самой жуткой чертой Суры оказались ее глаза — заросшие плотными сероватыми бельмами, давно уже слепые.

Это животное нужно было усыпить, а не в дом тащить! Но Стас счел иначе, он всегда был слишком добрым, и обычно Настю это умиляло, а в такие моменты непередаваемо бесило.

— Отнеси это туда, где взял! — велела она.

Стас был покладистым в большинстве случаев, однако теперь уперся.

— Куда, на бойню? Настя, эту собаку никто не хотел брать, да и не возьмет уже. Понятно, почему — ей пятнадцать лет, и ты видишь, в каком она состоянии.

— Вижу — и больше видеть не хочу!

— Потерпи, прошу тебя. Видно же, что ей недолго осталось, так пусть с нами поживет нормально, по домашнему... Она всю жизнь служебной собакой была, спасла очень много людей. Разве за это она не заслужила хотя бы несколько месяцев покоя?

Настя очень тонко чувствовала моменты, когда на жениха еще можно надавить, а когда он будет стоять на своем до последнего. Сейчас был тот редкий случай, когда попытки спорить с ним привели бы лишь к очень неприятной ссоре.

Но и сдаваться без боя Настя не собиралась:

— Тогда ты и ухаживай за этой рухлядью, я так точно не собираюсь!

— Конечно, Настюша, ты ее даже не заметишь!

Настя считала, что в тот день он дал два обещания, одно выполнил, второе — нет.

Он действительно ухаживал за собакой только сам, помощи никогда не просил. Стас выгуливал ее по часу в любую погоду, возил к ветеринару, лечил, если требовалось. Построил для Суры теплый домик рядом с их дачей, чтобы ей было уютно. Гладил, разговаривал с ней о чем-то. В квартире случалось, что старая собака не дожидалась прогулки, и тогда Стас убирал за ней быстрее, чем Настя успевала презрительно сморщить носик.

Но второе обещание оказалось невыполнимым: Настя собаку замечала. Сура, в годы службы отличавшаяся великолепным обонянием, быстро приспособилась к жизни без зрения. Однако порой даже она беспомощно тыкалась мордой в стены и мебель, оставляя после себя пятна слюны. Бывало, что запах до Насти все-таки доходил, и она ничего не говорила, зато устраивала такое шоу, что Стас прекрасно понимал ее отношение к ситуации.

Осеннее равноденствие

Когда они приезжали в загородный дом, Сура методично уничтожала любимые Настины цветники, била садовых гномов и оставляла пучки шерсти на светлых уличных диванах. Стас говорил, что псина протянет недолго, однако Сура за радугу определенно не торопилась.

В квартире она еще вела себя более-менее тихо, а вот в дачный домик ее лучше было не пускать. Там она непременно усаживалась возле стены и поднимала такой вой, что слышали, кажется, во всех соседних деревнях. Причем сделать это псина могла и днем, и ночью, сложно было предсказать, когда на нее настроение полаять с подвыванием накатит. Она была страшной в такие ночи: эти белесые слепые глаза, эта ярость...

— Да убери ты ее! — требовала Настя.

— Настюша, дождь же...

— Тогда заткни! Мне все равно, как, хоть пристрели ее!

— Ну тише, тише, ты что! Не говори такого при ней, она же все понимает.

— Ты дурел? Это тупое животное, ни черта она не понимает!

Вот только, чем больше времени Сура проводила в их доме, тем больше Настя сомневалась в собственных словах. Собака вела себя странно, иногда казалось, что она готова броситься на свою предполагаемую хозяйку... Считала ли она вообще Настю хозяйкой? Или для нее важен был только Стас?

Миновало лето, осень настала и даже вступила в свои права, а Сура была все такой же живой, громкой и мерзкой, как раньше. Настя научилась просто не обращать на нее внимания, не позволять этой тварюге разрушить свою жизнь. Нужно ведь наслаждаться моментом! Например, тем, что середина осени вернула миру неожиданное тепло — почти как летнее, разве что пахнущее прелыми яблоками и сухой листвой, да еще недолгое из-за коротких дней.

Они решили воспользоваться этим, чтобы чуть дольше пожить на даче. И начиналось все хорошо, а потом Стаса вызвали на работу.

— Я поеду с тобой! — настаивала Настя, наблюдая, как он собирается. — Вернемся в город!

— Малыш, ну ты что? Это ненадолго, я завтра утром уже вернусь — и мы сможем отдохнуть здесь еще неделю! Обещаю.

Нужно было все-таки уехать, но тогда, при свете рыжего осеннего солнца, Насте показалось, что проблемы и правда преодолимы, теплом действительно нужно наслаждаться, а их собака — вовсе не демон, просто капризное старое животное.

Ночью правила игры изменились. Полил дождь, и ветер завывал где-то в старых тополях, высаженных у дороги. Ледяные струи воды хлестали с такой силой, что домик Суры очень быстро промок изнутри. И Настю не должно было это волновать, она ведь давно ждала, когда псина отправится на тот свет! Однако когда понадобилось отнять жизнь своими руками, Настя не справилась, она неохотно пустила лабрадора в дом.

Поначалу Сура как будто оценила это, затихла, устроилась на коврик, как и положено приличному животному. Настя, наблюдавшая за ней с тревогой, успокоилась, уснула... А потом началось. Проснуться под завывания крупной собаки — сомнительная радость! Настя подскочила на кровати, испуганная, с отчаянно бьющимся сердцем, не понимающая в первые минуты, что произошло... Потом до нее дошло, и страх сменился гневом.

Опять эта чертова псина! Настя, даже не проверяя, знала, что увидит, когда выйдет из спальни: страшилище, воющее на глухую деревянную стену. Именно там Сура развлекалась таким, другие части дома ее, похоже, устраивали. Стас предположил, что в стене поселились мыши, вот служебная собака и реагирует на них. Настя допускала, что это правда, однако умиляться охотничьим

Осеннее равенство

потугам слепой рухляди не собиралась. От мышей проблем куда меньше!

Она уже знала, что не заснет сегодня. Кровь переполняла адреналин, сердце колотилось так быстро, будто надеялось пробить ребра, вырваться наружу, убежать как можно дальше... А все из-за того, что Стасику захотелось в доброго самаритянина поиграть! Придурок сентиментальный...

Первым импульсом было позвонить Стасу, высказать ему все, чтобы и у него ночь прошла не слишком приятно. Однако Настя хорошо знала своего жениха: он посочувствует, извинится, а потом снова завалится дрыхнуть, у него с таким просто. Нет, наказать его нужно было по-серьезней, чтобы урок запомнился!

Она даже знала как. Днем бы Настя, может, и не решилась на такое, однако этой ночью давно накапливавшаяся злость на псину достигла предела. Девушка отбросила в сторону одеяло, поднялась с кровати, щелкнула выключателем... и получила еще один неприятный сюрприз: света не было. Как и, впрочем, любого электричества, гроза отступила, но взяла свою плату.

Настя позволила себе разозлиться еще больше, чтобы не поддаваться страху. Если кто-то там — она не бралась сказать кто, да и не озадачивалась этим, — думает, что ее так просто остановить, то и очень зря! Она взяла с тумбочки фонарик, хранившийся как раз для таких случаев, и направилась в гостиную.

Сура все еще была там — выла у той самой стены и затыкаться определенно не собиралась. Настя не обратила на нее внимания, она направилась к камину и взяла с подставки кочергу. Сомнительный инструмент, но не зря ведь говорят, что ломать — не строить! Должно хватить, деревянная отделка у стен хлипкая.

Другая собака, нормальная и не одержимая демонами, уже шархнула бы. Но эта слепая тварь будто намеренно хотела разозлить Настю еще больше, Сура упрямо сидела на месте. Пришлось оттаскивать неповоротливую

тушу за ошейник, освобождая место для грядущей мести. О том, что собака-демон могла и наброситься, Настя подумала уже после того, как выгнала Суру из комнаты.

Ладно, это все не важно, проблему нужно решить раз и навсегда. Если там мыши, они после такого точно уберутся! Псина перестанет выть. Да и у Стаса уйдет несколько дней, чтобы полностью восстановить стену, как раз хватит, чтобы подумать над своим поведением.

Вполне довольная таким планом, Настя размахнулась и изо всех сил ударила по стене кочергой, потом — снова и снова. Силы эти, надо отметить, были не такими уж скромными: не зря все-таки на фитнес ходила! Первая трещина появилась сразу же, потом Настя намеренно била в одно и то же место, так было легче. Она подцепляла доски кочергой, вырывала их, целиком или по частям, снова била. Дерево дробилось, щепки летели в стороны, все быстрее обнажался утеплитель.

А вот мышей не было. Если бы они действительно дразнили тупую псину, от человека, да еще и такого яростного, давно бы разбежались, это понятно. Но в стене не было ни самих зверьков, ни следов их жизнедеятельности.

Хотя кое-что странное все же обнаружилось. Настя знала, что в модульных домах утеплитель под деревянной обшивкой идет сплошным слоем. Здесь же и рассеянного света фонарика хватало, чтобы заметить непонятные неровности, выделяющиеся еще и цветом. Сначала Насте было не до них, она просто поддалась ярости.

Однако в какой-то момент девушка устала, запыхалась, обнаружила, что руки уже болят, а кожу покрывают капли пота. Но и разрушение получилось масштабным! Настя ехидно улыбнулась, размышляя о том, что Стасик остаток своего отпуска на ремонт потратит. Жаль только, что псина даже теперь подвывала, скулила за закрытой дверью.

— Что тебе там вообще понадобилось? — раздраженно спросила Настя. — Там же нет ничего, дура ты старая!

Осеннее равенство

Девушка отложила кочергу, взяла фонарик, до этого лежавший на диване, направила луч света на пролом. Она хотела убедиться, что там и правда не было указаний на мышей... а вместо этого почувствовала, как ужас льдом расплзается по венам.

Странные серые неровности не были игрой света и тени, среди утеплителя и правда притаилось нечто инородное, то, чего там быть не могло — и не должно! Насте хотелось найти какое-нибудь понятное и простое объяснение, сослаться на дефект, строительный мусор, да что угодно придумать, только не принимать правду!

Однако правду принять пришлось, слишком уж очевидной она оказалась. Некоторые фрагменты смотрелись бесформенными пластинами, едва-едва показавшимися из утеплителя. Но было и то, что Настя могла распознать. Например, пустой круг глазницы. Или кусок челюсти с крупными зубами — три своих, один золотой... Не подумаешь, что зверь пострадал. Не поверишь, что так бывает.

Ну а потом, поддаваясь ужасу, все же признаешь, что за тонким слоем досок в стене уютного, обожаемого семейного гнездышка хранился раздробленный человеческий череп.

* * *

«Здесь вам не Голливуд!»

Вот что Елене Шёриной хотелось сказать уже давно, с тех пор как явился этот непонятный, да и, что скрывать, неприятный мужчина. Но она так и не решилась, испугалась, что прозвучит слишком истерично. Она предпочла просто прожигать мужчину взглядом, хотя он этого упорно не замечал.

Если бы выбор был за Еленой, она бы этого человека не то что не пригласила — близко бы не подпустила к месту преступления! Беда в том, что никто ее ни о чем не спрашивал. Начальство в своей фирменной манере просто поставило следователя перед фактом:

— К вам профайлер подъедет, дайте ему все осмотреть.

Вот тогда и нужно было сказать про Голливуд, однако Елена растерялась. Ну а потом в трубке стало тихо, момент оказался упущен.

Звали это нечто Матвей Истрин, и на профайлера он определенно не тянул. По крайней мере, на тот образ профайлера, который Елена создала благодаря американским фильмам, только там ведь подобное слово и звучит гармонично! Нет, взяли моду, изгадили русский язык...

Так вот, придуманный ею профайлер был невысоким, худым, болезненным даже. Бледным, потому что не вылезал из своего кабинета и библиотек. Возможно, спивающимся из-за бремени человеческих страстей, с которыми сталкивался каждый день. Готический, чуть женоподобный, с высоким лбом, бездонными глазами и обязательно в очках.

В случае с Матвеем совпадение получилось только по очкам. Выглядел он скорее как какой-нибудь чемпион по борьбе без правил — здоровенный, накачанный, и Елена сильно сомневалась, что такие мышцы он получил исключительно от бодибилдинга. Кожа не то чтобы смуглая, просто еще хранит остатки летнего загара. Глаза действительно темные, вот только далеко не печальные и угнетенные всем белым светом, а как будто... острые? Елена понятия не имела, можно ли так сказать о глазах, однако ее не покидало ощущение, что вместо глаз у этого типа осколки, о которые многие уже поранились. Вот есть такие люди, взгляд которых угнетает, и Матвей Истрин определенно был из их числа.

Впрочем, главная проблема заключалась даже не в том, что он не выглядел как достойный уважения психолог, это Елена еще готова была простить. В ней тоже не с первого взгляда следователя распознавали! Нет, гораздо больше этот тип раздражал ее тем, что прибыл сюда, добился допуска за ограждение — и ни хрена не делал!

Осеннее равенство

Произошло жестокое убийство, действительно страшное, Елена, со своим многолетним опытом, нечасто видела такое, да и видеть не хотела. Но что делал Матвей? Вместо того, чтобы внимательно изучить место преступления, осмотреть тела и опросить свидетелей, он трындел по телефону, прохаживался туда-сюда, бросал отвлеченные взгляды по сторонам. Он никого ни о чем не спрашивал, он будто и не понимал, куда попал!

Елена готова была высказать ему, что он откровенно лишний здесь, оставалось дожидаться, когда он закончит болтать. Но он все никак не мог наговориться с какой-то там Верой — это имя мелькало уже несколько раз. Матвей явно был недоволен, и предмет разговора имел для него куда большее значение, чем преступление.

Ну и пускай, Елена просто махнула на него рукой. Посмотрит, уберется, а начальство, хоть и не признает свою ошибку, усвоит, что с такими типами не нужно связываться. Елена, насмотревшись на эту дешевую голливудщину, снова готова была справляться своими силами. Знать бы еще, с чего начать! В преступлении, которое произошло здесь ночью, не было никакого смысла.

Неожиданным теплом октября пользовались многие, леса были полны туристов, не верящих своему счастью. Кто-то арендовал домики, кто-то путешествовал в автодоме, а кто-то предпочитал палатки. Правда, даже при последнем варианте мало кто рисковал забираться в откровенную глушь. Гораздо популярней оказались более-менее цивилизованные кемпинги — расчищенные поляны, где можно было разбить палатку, с биотуалетом и источником воды неподалеку. Елена прекрасно знала это место, летом тут и вовсе было не протолкнуться.

Осенью количество отдыхающих значительно сократилось, и все равно их хватало. Среди древних сосен и пестрых от цветной листвы деревьев устроились три семьи с детьми, пенсионеры, которых возил по местным достопримечательностям взрослый сын, группа студентов и даже одинокий рыбак. Кто-то из них держался сам по

себе с самого начала, кто-то мило пообщался у большого общего костра, но ближе к полуночи все разошлись спать.

Ну а утром выяснилось, что одной семьи не стало. Сейчас-то Елена уже привыкла к жуткому зрелищу, это раньше, когда она только прибыла, желудок болезненно сжался, сердце забилось так быстро, что стало трудно дышать... В полиции ведь тоже люди работают, не всегда можно остаться профессионально равнодушным! Особо когда открывается такое зрелище.

Двоих детей, двенадцати и восьми лет, убили быстро и уверенно — обоим свернули шею. Больше с ними ничего не делали, но Елене и от вида двух маленьких тел, сброшенных в угол, стало не по себе. И все же основной целью атаки определенно были родители. По предварительной оценке, у каждого — под сотню ударов ножом... Вряд ли они были живы все это время. Да скорее всего, не были! Эксперт счел, что их не связывали, значит, у них была возможность сопротивляться или позвать на помощь, другие люди находились совсем близко, они слышали бы крик! Но все утверждали, что в палатке этой ночью было тихо.

Получается, минимум одного из взрослых преступник убил быстро, но это не помешало ему поиздеваться над телом. Ему нравилось видеть кровь... Похоже, ради этого он и напал. Елена уже собрала кое-какие данные о погибших. Обычная семья, не богатая, не бедная... А даже если бы была богатая, это не имело бы никакого значения: из палатки ничего не пропало, на месте остались и телефоны, и дорогой фотоаппарат, и планшет, явно принадлежавший детям. Да и не похоже, что у этой семьи были враги, способные на такую кровавую вендетту... Убить детей — это особое преступление, Елена не раз наблюдала, как решиться на такое не могли самые опытные уголовники. А здесь мальчика и девочку убили, просто чтобы они не мешали!

Осеннее равноденствие

Елена не отрицала, что разобраться в этом деле будет очень сложно. Она задержала всех, кто ночевал в палатках поблизости, и готовилась их допросить. Но она уже знала, что убийцы среди них нет: людей обыскали, ни у кого не нашли ни ножа, ни одежды, заляпанной кровью. А крови тут должно быть очень много!

Как бы то ни было, никакой помощи Елена не запрашивала, однако профайлер этот самоназначенный все равно явился. Он ведь именно профайлер, не психолог! Потому что психолог мог хоть как-то помочь, объяснить, чего хотел убийца, но не ходить тут и не болтать по телефону, будто он не рядом с мертвой семьей, а у себя на кухне!

Наконец завершив разговор, Матвей уверенно направился на парковку, туда, где ожидали ночевавшие в палатках люди. Елена последовала за ним, быстро поравнялась, спросила со всей язвительностью, на какую была способна:

— Как вы, удовлетворили жажду общения? Это хобби такое — болтать по телефону на месте массового убийства?

— Меня это от работы не отвлекает, — равнодушно отозвался Матвей.

— От какой работы? Экспертам мешать? По крови топтаться? Вы даже не спросили меня, кем были погибшие!

— Мне нужно знать это не больше, чем убийце. Кстати, вот он.

В этот момент они оказались перед группой свидетелей, и Матвей уверенно указал на одного из них — молодого мужчину, который сидел на рюкзаке и возился со смартфоном.

Это было глупо. Оскорбительно даже! Снова голливудщина, с той лишь разницей, что в Голливуде кино снимают осознанно, а Матвей выпендривается без причины, перед аудиторией, которая к такому совсем не готова.

Именно об этом собиралась сказать Елена — и Матвею, и начальству, если оно соизволит уточнить, как же справился с делом их дустрый профайлер. Но пре-

жде, чем сделать это, следователь повернулась к несчастному мужчине, которого только что оскорбили перед всеми, включая его пожилых родителей, чтобы извиниться.

Да только извиняться не пришлось, слова сами собой застыли на губах. Елена даже не поняла сначала почему. Она предпочитала делать ставку на факты, не на интуицию, хотя и интуиции тоже доверяла. Вот и теперь сначала забили тревогу инстинкты, а потом и мозг, натренированный годами работы в полиции, начал собирать подозрительные детали.

Мужчина не был шокирован или оскорблен. Он был напуган — но напуган не как человек, которого пытаются подставить, а он не знает, как оправдаться. Нет, он был напуган, как тот, кого поймали за руку при воровстве... или, как в этом случае, убийстве. Зрачки расширены, дыхание сбито, взгляд мечется — от Матвея к Елене, от Елены — к родителям и обратно. Он сделал резкий вдох, задержал дыхание, хотя в этом не было необходимости. Он в панике — и эта паника наступила слишком быстро для человека, который якобы был совершенно расслаблен, как и полагается невиновному.

Мужчина понял, что и Елена заподозрила неладное. Выносить это он не мог — он просто сорвался. Он подскочил с места и бросился прочь, к лесу, к свободе...

Попытка сбежать с площадки, полной полицейских, на первый взгляд казалась абсурдной, на второй — не очень. Несколько часов все шло хорошо, не было никаких причин для настороженности, дежурные следили скорее за тем, чтобы на огороженную территорию не пробрались зеваки со смартфонами или немногочисленные журналисты.

Никто не ожидал, что молодой мужчина рванет в лес, который был редким и расчищенным только возле кемпинга, дальше начиналась чаща. Эффект неожиданности давал преступнику вполне реальный шанс спастись, укрыться хотя бы на время.

Осеннее равноденствие

Но если полицейские, которым полагалось реагировать быстро, застыли, то кое-кто другой, тот, у кого как раз особых обязательств не было, среагировал молниеносно. Елена даже не разглядела, как это случилось, Матвей все время выглядел равнодушным и неподвижным. Просто в один момент преступник бежал, в следующий повалился на землю, сжимая руками пробитую метательным ножом ногу.

— Андрей! — крикнула пожилая женщина, приехавшая вместе с ним, и спрятала лицо на груди у мужа.

— Задержите его, — велела Елена оперативникам и для наглядности указала на пострадавшего мужчину, потому что дежурные с опаской посматривали и на Матвея. После этого она повернулась к профайлеру: — Давайте отойдем!

Она даже не сомневалась, что это сомнительное задержание хоть кто-то да снял на смартфон. Матвею ничего не будет, уйдет и все, а вот ей теперь придется просто немыслимое количество объяснительных писать! Но прежде, чем засесть за это, Елене нужно было убедиться, что профайлер действительно что-то обнаружил, а не просто сошел с ума.

Они укрылись в ближайшем автодоме. Елена понятия не имела, кому из туристов он принадлежит, да и не интересовалась этим. Она быстро закрыла жалюзи на всех окошках и снова посмотрела на Матвея.

— С чего вы взяли, что это он?

— Того, что он побежал, недостаточно?

— Побежал он позже! — напомнила Елена. — И сам он наверняка будет твердить, что испугался ложных обвинений! Как будто я раньше такого не слышала. . .

— Если слышали, знаете, как опровергнуть.

— Уж я-то знаю! Вы про мои обязанности не думайте, сами лучше объясните, как вы вышли на него!

— Семья Алексеевых не была важна сама по себе, их убийство только выглядело личным, но таковым оно не

было. Им не повезло нарваться на психически нездорового человека.

— Так, стоп! Откуда вы знаете, что они Алексеевы?

— Увидел фамилию в квитанции, лежавшей в палатке.

Надо же, он все это время оглядывался по сторонам... Елене казалось, что он смотрит в никуда, как это часто бывает с людьми, увлеченными телефонным разговором. Но Матвей с самого начала делал то, что должен, просто это оказалось не очевидно.

— Хорошо, подойдем с другой стороны, — предложила Елена. — Откуда вы знаете, что на них напал псих?

— Дети были убиты быстро и безжалостно. Убийца без психических отклонений чаще всего на такое не способен. Может, если найдется очень значимый корыстный мотив, но тут такого не было.

— Может, этот псих намеренно преследовал именно Алексеевых?

— Тогда он убил бы детей на глазах родителей, а он этого не сделал, — пояснил Матвей так равнодушно, что Елене захотелось просто выйти из автодома и никогда больше не встречаться с этим человеком.

Однако она заставила себя сдержаться — следовательно она или нет! Не важно, что она чувствует, она сможет говорить с ним так же равнодушно.

— Ладно, допустим, это псих... Но как вы вышли именно на этого человека?

— У каждого, как вы говорите, психа есть внутренний мотив, потребность, которую он хочет закрыть, внутренняя страсть. В этом случае речь идет об убийстве родителей. Прежде, чем вы спросите почему — я снова ориентируюсь на быстрое и безэмоциональное убийство детей. А еще на то, что палатка Алексеевых не была крайней, не она ближе всего располагалась к лесу. Если бы убийце нужна была просто какая-то жертва, он выбрал бы ту палатку, в которую проще попасть. Он же предпочел рискнуть, забрался чуть ли не в центр лагеря. Для